ся в форму острых социальных потрясений. Очевидно, и Ольвия не избежала общей участи. Декрет Протогена говорит не только о попытке мирным путем урегулировать конфликт между должниками и заимодавцами. Грозным симптомом надвигающихся социальных бурь является угроза отпадения микс-эллинов и рабов в момент внешней опасности. Следы каких-то внутренних потрясений сохранились также в известном фрагменте почетного декрета в честь некоего Καλλ... [1]

По всем признакам Ольвия времен Протогена разделяла общую судьбу греческого полиса в эллинистическую эпоху. Подчеркнуть это обстоятельство, до сих пор оставшееся в тени, представляется весьма важным в принципиальном отношении.

[1] IOSPE, I², 31; ср. Э. Штерн, Новый эпиграфический материал, найденный на юге России, Одесса, 1900.

В. О. Тюрин

СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ KUR-TAŠ ПО ДОКУМЕНТАМ ИЗ «СОКРОВИЩНИЦЫ» ПЕРСЕПОЛЯ*

В 1936—1938 гг. при археологических раскопках в юго-восточной части террасы Персеполя была найдена серия документов, названных «табличками сокровищницы» [1] в отличие от ранее найденных там же «табличек крепостной стены» [2]. В книге Кэмерона опубликовано 114 из общего числа 753 найденных там табличек и фрагментов, в том числе 77 целых или почти целых, 22 частично попорченных и 15 серьезно попорченных текстов [3].

Следует особо отметить, что «сокровищница» была казначейством не всей империи Кира, а только собственно Персии, что следует уже из наименования казны в большинстве текстов как kapnuški ➤— baršá — «казна Парсы» [4], или kapnuški ➤➤— sunki·na «казна царя». По времени составления документы относятся к первой половине V в. до н. э.

---

* Печатается в порядке обсуждения проблемы истории производителей материальных благ в древнем мире. Публикуемая статья ставит весьма важные вопросы истории производителей материальных благ в древней Персии. Однако редакция считает нужным отметить, что разрешение этих вопросов в настоящей работе еще только намечено и многие положения автора нуждаются в дополнительных доказательствах.— *Ред.*

[1] G. G. Cameron, Persepolis treasury tablets, The University of Chicago (Oriental Institute Publications, LXV), 1948.

[2] Последний год «табличек крепостной стены» — 494 до н. э., первый год «табличек сокровищницы» — 492.

[3] Почти все таблички даются в автографии посредством нескольких фотокопий каждой. Тексты даны в параллельной транслитерации, причем Кэмерон придерживается традиции Вейсбаха передавать каждый клинописный знак его более или менее известным звуковым эквивалентом. Транслитерация каждого документа сопровождается переводом, к которому примыкают: краткое изложение содержания документа, примечания транслитерационного, филологического и справочно-исторического порядка, указатель имен упоминаемых в документе лиц, даты (за небольшими исключениями, это всегда дата составления самого документа) и тип печати.

[4] Pārsa, элам. baršá, как явствует из публикуемых документов, было туземным названием не только Персии, но и самого Персеполя. Греческое наименование Персеполя в форме Parsa встречается у Бероса (Ptolem.). Kapnuški, как кажется, имеет 2 значения: «казна (сокровищница)» и «хозяйство». В табличках №№ 40 и 64, относящихся к одной и той же партии свыше 100 работников, последние обозначаются как ➤➤— kur-taš kapnuškip ➤➤— ka-me-nu-iš (вар. № 64: ➤— ḳa-a-ma-nu-iš). Они получают плату kapnuški ➤— baršá·na·ma·mar «из казны Парсы». Либо это работники персепольской казны, работающие в Камениш (нын. Гойюм, по отождествлению Кэмерона), либо, как можно дословно понять, «работники сокровищницы

С точки зрения практики, так сказать, «документооборота», тексты распадаются на два типа: 1) тип «письма» на имя казначея (kánṣabara) от лица, которое должно произвести расчет с партиями работников; 2) тип «меморандума», представляющий отчет об уже произведенных платежах. Текст первого типа, начинающийся словами «тому-то (имя казначея) скажи, такой-то говорит», включает следующие составные части: 1) общая денежная сумма, подлежащая уплате данной партии работников, 2) название категории лиц, с которыми производится расчет, 3) имя лица, которому подчинена партия работников, начальник работ, надзиратель, šaramanna (по Кэмерону responsible), 4) наименование работы, на которую она нанята, 5) время, в течение которого работа была выполнена, 6) подробный расчет платежей различным категориям, часто с различением по полу и возрасту. Далее иногда упоминается имя писца и лица, от которого последний получил «запечатанный приказ (приказ с печатью)».

Второй тип «отчета» отличается от первого тем, что текст открывается указанием причитавшейся данной партии общей денежной суммы (по существу, как и в первом типе, — денежной оценки произведенной работы), затем следуют: характер исполненной работы, лицо, которому подчинены работники, время работы, подробный расчет платежей. Вариантом этого типа следовало бы считать документы, где вначале указывается, что данная общая денежная сумма выдана kurmin «рукой» такого-то, следовательно, серебро выдано не казной, а этим, очевидно, «подотчетным» лицом.

Трудоемкая работа по первичной научной обработке документов выполнена Кэмероном в общем удовлетворительно. Но Кэмерон не ограничился этой первичной обработкой, а пошел дальше, давая такую «обработку» и освещение документов, которые совершенно искажают историческую действительность и превращаются в плохо скрытую апологетику капитализма. Эта методологическая беспомощность американского буржуазного ориенталиста отразилась отчасти и на приемах самой первичной обработки. Автор, например, дает только простую хронологическую сводку документов (стр. 15) с указанием лишь некоторых основных данных (например, рабочий период, число и занятия работников). Такая сводка полезна лишь для хронологической ориентировки в табличках; большего из нее получить нельзя. Между тем уже простая группировка документов, например, по численности и составу различных партий работников, по видам работы и характеру применяемого труда, по уровню заработка и другим условиям труда, позволила бы сделать некоторые выводы, дающие возможность глубже разобраться в материале. При иных методологических установках автор, например, сумел бы поставить в реальную связь разобщаемые им документы. Он наталкивается иногда на такую связь, замечая два сходных документа, различающихся только датами, но, окрестив их «смежными дубликатами», так и оставляет их в состоянии «первичной обработки». Между тем к тому или иному «дубликату» при-

---

в Камениш». В последнем случае эту «капнушку» можно было бы считать одним из царских хозяйств в персепольской округе. Греч. θησαυρός «сокровище» означало в то же время и сокровищницу (в собств. смысле), и кладовую, и, например, в крупных хозяйствах эллинистического Египта закрома и амбары для зерна. Ср. с этим приводимое Кэмероном в примечании к табличке № 21 ambarabara «сторож кладовой», р. п. ед. ч.—ambaraš·na. В таком случае можно было бы заключить, что kur-taš, находящиеся и работающие в царском хозяйстве (kapnuš·ki·ma) в Камениш, получают плату из казны (kapnuš·ki·ma·mar) в Персеполе. Однако такое упоминание, встречающееся только в названной паре документов, недостаточно для более определенных выводов, кроме одного, подкрепляющего выведенное из других оснований заключение, что царские хозяйства имелись в разных местах Персиды.

мыкает реально связанный с ним третий, четвертый документ...[1] Так, например, к отмеченной автором паре №№ 34 и 35 примыкает и № 43. В этих трех документах названы все те же 7 человек kurtaš marrip ➤ barša «работники мастера в Парсе». Они проработали непрерывно: № 34 — в месяце варказана (ноябрь — декабрь 467) [2], получив 4 сикля за месяц, № 35 — в месяце ассиядия (декабрь — январь 466), получив 4 сикля за месяц, и № 43 — в течение анамака — самиямаш — вияхна (январь — апрель 466), получив 12 сиклей за 3 месяца. Для всех трех документов характерен один и тот же способ расплаты: $^2/_3$ заработка выдаются вином [3]. Подлинно научная обработка публикуемых материалов, представляющих несомненный интерес для советского историка древнего мира, потребует ряда особых исследований. В настоящей статье будут даны только те выводы, которые могут быть получены при внимательном, но все же лишь первичном рассмотрении материала.

Состав документов чрезвычайно ограничивает возможности показа динамики явлений. Большая часть документов относится к царствованию Ксеркса: на время Дария падает 10 табличек, на время Ксеркса — 66 и на время Артаксеркса — 5. Из табличек времени Ксеркса приходится: на первые 3 года (2, 3, 4) — 12 табличек, на следующие 14 лет (5—18) — 12 табличек, на 19 год — 14 и на 20 год — 28 табличек. Таким образом, две трети, 42 из 66 табличек, приходится на один 466 год (19 и 20 годы Ксеркса).

Из числа работников, упоминаемых в табличках, большую часть составляют строительные рабочие: плотники, каменщики, носильщики, «работники сокровищницы», «мастеровые» («искусные работники»). Партии этих работников состоят обычно из нескольких сот человек (до тысячи и более). Относительно небольшие партии, в пределах 100 человек, представлены работниками, имеющими дело с деревом, камнем, золотом, на работах с рельефами, инкрустациями, надписями почти исключительно в самом Персеполе. 55 каменотесов, прибывших из Египта в Парсу при Дарии, работают в колонном зале; 72 карийца занимаются здесь золотых дел мастерством, 20 человек заняты инкрустацией... В области озера Нириз в местности Ганкуракка работают 55 панцырников... Все это квалифицированные ремесленники и художники. Аналогию им мы находим в martiyā karnuvakā tyaiy aϑangam akunavanta «мастерах, которые камень обделывали», и martiyā daraniyakarā «золотых дел мастерах», известных из надписи Дария о постройке дворца в Сузах (стк. 47—50)

Главными участками работ в Персеполе были: 1) «колонный зал» (➤ ḫi-ia-an), в котором работали носильщики, каменотесы, плотники, специалисты по изготовлению дверей, резчики по дереву и камню, изготавливавшие рельефы и надписи, инкрустовщики; 2) комплекс самой «сокровищницы», в которой и работали, повидимому, «казначейские» (kur-taš

---

[1] На стр. 35 Кэмерон отмечает только 6 пар: 16—19, 28—29, 42—60, 47—58, 17—20, 34—35. Этот список можно пополнить: 12—15, 30—31, 40—64, 50—61, 43—62, а некоторые из этих пар увязать с другими документами: с парой 40—64 связаны №№ 39, 45, 51, 65, 66, 67, 69, 70.

[2] О древнеперсидских названиях месяцев и порядке их следования см. А. А. Фрейман, Древнеперсидский календарь в свете новейших открытий, ВДИ, 1946, № 3.

[3] Продолжением этих трех является и четвертый — № 62, так как: 1) 6 + x чел. kur-taš bešiškuraϑbe («делающие изображения») работают с апреля по июнь 466; 2) во всех 4 документах одни и те же «ставки» — $^2/_3$, $^1/_2$, $^1/_3$ сикля; 3) по первым двум (34—35) работников «Мананда дал (послал)», по вторым двум (43 и 62) — Фарнадат; 4) в № 30, относящемся к 470 г., 6 работников, посланных тем же Манандой, названы полнее, чем в № 62, а именно kur-taš marrip bešiškuraϑbe «курташ мастера по изготовлению изображений». Поэтому и № 30 должен быть отнесен к этой же серии, как 5-й по счету.

kapnuškip); 3) некоторые работники заняты на участках, обозначаемых не совсем ясным термином ➤ barteta(š), за которым в №№ 49, 59 непосредственно следует mi-iš-ba-ši-ia-ti-iš, *vispašiyatiš. Некоторые соображения[1] позволяют думать, что barteta — это огороженный охотничий парк-заповедник, также четырехугольная высокая стена—цоколь террасы типа стены, окружающей основание Ападаны.

Часть документов фиксирует плату за работы в царских хозяйствах Персиды. В Marsaška работают 113 kam-ba-ti-ia-ip,*gaupati- «пастухов» (№ 5, время Дария). В документах времени Ксеркса засвидетельствованы 370 kur-taš UDU·NITÁ ^{idg}-ba-te-ip ➤ du(..)ramida «пастухи в Дурамиде» и 131 «пастух в Макалаке» (№№ 50, 61). В округе оз. Нириз в местности Ганкураке работают 55 iṣ-ra-ṣa-ḳa-ra (*zrada/zraza-karā — «панцырники») под надзором Уданы ниризца. 190 kur-taš, за которыми надзирает Бакурада, сатапат ➤ ti-ra-ṣi-iš работают в Ширазе (по отождествлению Кэмерона). В Камениш (г. Гойюм по отожд. Кэмерона) работают 109 «казначейских»[2].

Если относительно некоторых работников возникают сомнения о месте их работы, то о других, как кажется, прямо говорится, где они работают. В связи с этим следовало бы иначе перевести встречающийся в некоторых табличках оборот ap-pa mu-ša-ip ➤ (там-то), например, в №№ 52, 53. Кэмерон переводит: «которые считаются, числятся, приписаны к» (attached, assigned). Между тем, эламские обороты, в которых встречается корень mušin/ni (NiRa, 5 и 6), показывают значение последнего «делать, работать»; персидскому kartam «сделанное» соответствует элам. mušnu-ḳa. Поэтому оборот ap-pa mu-ša-ip следует переводить «которые работают (там-то)». Разумеется, «тамошняя» их работа «считается» «учетчиками» (akkaiaše), которые mušin sùkkip «работу считают» подобно тому, как и египетские писцы «считали работы Египта».

Общим термином для обозначения работников разных специальностей в подавляющем большинстве документов является kur-taš, термин, который, как правило, сопровождается определением, указывающим на род занятий и место работы. Чаще всего встречается термин kur-taš kapnuškip— «kur-taš сокровищницы». Очень часто также определение marrip[3], что

---

[1] Bartetaš, оставляемое Кэмероном без перевода, представляется элам. передачей др. перс. *pardaiδa. За это говорит обычная передача p через b, dai через te; конечное -š — оформление в эламском др. перс. слов с исходом на согласные. Herzfeld («Altp. Inschr.», s. v. daid-: didā-) в совершенно другой связи сопоставляет prdaidam надписи Art. II Susa d. с перенесенным в клинопись арам. pardeδ и pardez Неемии, 2, 8. Daid- с превербом pari-, по Герцфельду, обозначал в Иране сады, существенную особенность которых представляли высокие глиняные стены, но особенно парки для охоты, «парадизы» —*paridaiδa. ➤ mišbašiiatiš, *vispašiyatiš Кэмерон сопоставляет с другим встречающимся в «табличках сокровищницы» словом misba lṣan'a, vispazana, диалектальной разновидностью Visadahyu, портала Ксеркса. В целом ➤ bartetaš mišbašiiatiš был, вероятно, царским заповедником с наименованием «парадиз Всеблагоденствия» (или «Мира, благоденствия и радости для всех (!?)» ?). Ср. bartetaš Аммашишны («Прекрасной Матери») в Киндаридже (табл. 48).

[2] Значительные сомнения вызывает определение характера и места работы 470 kuršikašbe таблички № 14. Кэмерон, считая kuršika передачей др. перс. *karšika (авест. karšivant «земледелец»), переводит его как furrower, cultivator. Однако время их работы — октябрь — вызывает сомнение в таком переводе. Не есть ли это скорее землекопы, подобные вавилонскому kāra, которые копали землю при закладке дворца в Сузе.

[3] Дословно «владеющие (каким-нибудь мастерством)». Поэтому иногда marrip имеет в свою очередь определение, например kur-taš marrip bešiškurašbe «курташ, мастера по изображениям». Mar-ri означает в надписях Ахеменидов: «держать (что-либо в руках), занимать (берег реки), захватить (врага), овладеть (властью), владеть (царством)».

приблизительно значит «мастер». Иногда к термину kur-taš добавляется указание на специальность: резчик по дереву, плотник, медник, панцырник и т. д. Иногда определению предшествует указание этнической принадлежности: курташ страны Хатти и Египта и ионяне *uzbarnā. Место работы в большинстве документов — Персеполь, baršá. Среди работников вне Персеполя встречаются «kur-taš пастухи в Макалаке», «kur-taš панцырники, которые работают в Ганкураке» и др. Случаи опущения термина kur-taš довольно редки. Следует отметить и встречающееся иногда выражение kur-taš gal makip «курташ плату добывающие» (или, возможно, «корм едящие»).

Каково было социальное положение kur-taš?

На основании рассматриваемых документов можно прежде всего заключить, что kur-taš, по крайней мере в ряде случаев, работали в Персеполе и его округе круглый год. Документы №№ 30, 34, 35, 43, 62 показывают, что группа из семи kur-taš marrip работала не менее четырех лет; 190 человек kur-taš «сатапата Бакурады» в Ширазе упоминаются в документах от февраля и мая одного и того же года (№№ 42 и 60); о группе kur-taš kapnuškip, работающей в Камениш, известно, что она работала здесь в январе, феврале и июне 466 г. (№№ 40 и 64).

Работа kur-taš оценивалась всегда в серебре, однако весь заработок или часть его выдавалась продуктами, стоимость которых исчислялась в серебре (например, №№ 19, 25, 43). Продукты, видимо, выдавались постепенно в течение времени, за которое производится зафиксированный в табличке расчет, а затем при расчете стоимость их вычиталась из подлежащей выдаче суммы[1].

Таким образом, в случаях выдачи продуктов полная плата слагалась из šág(i) «корма» и gal «платы» в узком смысле слова, т. е. выдачи серебра. Одновременно термин gal служил для обозначения и полного заработка; с другой стороны, šág-gal означал иногда выдачу платы продуктами. Если в шумерскую эпоху термин šág-gal обозначал просто корм, выдаваемый и скоту, и людям (рабам) в царских хозяйствах Шумера[2], то в Персиде V в. šág(i), сохраняя более древнее значение «корм», получает и вторичное осмысление как «плата продуктами». Действительно, если в более древних табличках «крепостной стены», по сообщению Кэмерона (к сожалению, он не опубликовал хотя бы для сравнения или примера 2—3 «экономических», по его выражению, документа этой серии), в составе натуральных выдач значатся еще разнообразные продукты (хлеб, масло, рыба и др.), то теперь вместо этого выдается только баран или вино. Ясно, что kur-taš еще должны превратить этот «корм» в различные виды действительного продовольствия.

Когда заработок, выраженный в сиклях серебра, фактически выдается на три «тришвы» бараном или вином, то здесь отчетливо видно, что

---

[1] Формулу ap SÌ·SÌ-du, встречающуюся повсюду в документах типа «письма», следует переводить не «им дай», как это делает Кэмерон, а — «у них отними», т. е. из платы (gal), причитающейся им и выраженной в серебре, вычти (учти) корм (šág[i]), уже ими съеденный. Ср. № 19: ➢ RUḪ^{idg}...gal makip ḫupibe gal·ma ap SÌ·SÌ-du UDU·NITÁ šá-ag-gi 1 UDU·NITÁ 3 pansukaš «... люди ... плату добывающие. В их плате учти (из их платы вычти) баран(ий) — корм (из расчета) 1 баран — 3 сикля...», поставь им, так сказать, в дебет. В № 14 Бехистунской надписи ap du- буквально обозначает «у них отнять» (du=др. перс. *din «отнимать, наносить ущерб», ср. §§ 12, 13). Кэмерон, повидимому, смешивает du- «отнимать» с du-nu- «давать». Ср. du- и dunu- в табл. №№ 5 и 8.

[2] См. В. В. Струве, Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ древнего Востока, ИГАИМК, вып. 77 (1934), стр. 57 и прим. 136; он же, Наемный труд и сельская община..., ВДИ, 1948, № 2, стр. 19.

серебро — счетные деньги, а баран или вино — действительно существующие наряду с серебром деньги в пределах Персиды [1].

Таким образом, переход к новой системе оплаты был, собственно, не переходом к денежной оплате труда с сохранением части прежней натуральной оплаты, как характеризует этот переход Кэмерон, а переходом к особому способу «оплаты» (новой форме эксплуатации труда) с выдачей либо одного вида примитивных денег (вино, баран), либо двух их видов: серебра и «корма». Но при этом даже и такая форма оплаты не охватывала всей массы kur-taš Персиды (см. ниже, стр. 34).

Чтобы выяснить вопрос о размерах оплаты kur-taš, необходимо предварительно остановиться на денежной системе Персиды. Персидская карша (*karšam), равная 10 сиклям (= $^1/_6$ мины = $^1/_{360}$ таланта), была связана с вавилонской денежной системой. Близкая по эквиваленту к 10 сиклям, она в какой-то момент была, повидимому, приведена в соответствие с этой системой, вклинившись между сиклем и миной. Впрочем, практически счетной единицей «масштаба цен» выступает сикль, элам. pansuka(š). Однако из-за сикля выглядывает другая денежная единица, danaka(š) [2], которая, видимо, не была исконной персидской монетой, как карша; данака не могла вклиниться в вавилонскую систему масштаба цен с ее 60-ричным делением. Она была лишь в конце концов приравнена $^1/_8$ сикля, вследствие чего в переводе ее на сиклевый счет получались дробные числа: 1 данака = 22,5 ше (180 : 8), $^1/_4$ данаки = 5,625 ше, $^1/_8$= 2.8125 и т. д. Только доли ее с числителем 1 и знаменателями: 9,18 и множители 60-ти — давали целые числа ше: $^8/_9$ данаки = 20 ше ($^1/_9$ сикля, приравненного 8 данакам), $^2/_3$ данаки [3] = 15 ше, $^1/_8$ = 10 ше и т. д.

---

[1] В исследовании «К критике политической экономии» К. Маркс говорит: «Деньги как счетные деньги могут вообще существовать лишь идеально, в то время как действительно существующие деньги вычеканены по совершенно иному масштабу. Так, во многих английских колониях Северной Америки деньги, находившиеся в обращении, до конца XVIII столетия состояли из испанских и португальских монет, в то время как счетные деньги были у них повсюду те же самые, что в Англии». В примечании Маркс добавляет: «Изданный в Мериленде в 1723 г. закон, которым табак был объявлен законною монетою, но стоимость его была переведена на английские золотые деньги, а именно 1 пенни за фунт табаку, напоминает leges barbarorum, в которых, наоборот, определенные денежные суммы приравнивались быкам, коровам и т. п. В последнем случае не золото или серебро, а бык и корова составляли действительный материал счетных денег» (изд. 1949 г., стр. 64). В Персиде определенные денежные суммы приравниваются барану или вину... Еще в середине V в., по сообщению Геродота, персидские племена были частью земледельческими, частью пастушескими. А это как раз такое положение, при котором, как указывал Маркс в «Капитале», скот, как имущество, находящееся в подвижной и легко отчуждаемой форме, раньше всего становится деньгами.

[2] Данака, по Кэмерону, «воспроизводит до сих пор не документированное др. перс. *danaka», которое «в форме δανάκη(ς) описано древнегреческими авторами как „варварская монета", стоимостью немного более (аттического) обола» (прим. к табл. 28). Можно думать, что данака явилась в Персиду из северо-восточного Ирана и Средней Азии. Лексика сопредельных областей дает: инд. dhana «деньги, благо, имущество...» и производные: dhanakāma, dhanagupta, dhanakoša ..., иногда dhana — капитальная сумма в противоположность проценту. Позднегреческие авторы говорят о данаке, как варварской монете, которую клали в рот покойнику в качестве платы за перевоз через реку Стикс в подземном царстве. Этот обычай засвидетельствован и для Боспора (В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, стр. 239). Следует учесть древнейшие связи Индии через Среднюю Азию с областями на северо-запад от Хорезма, устанавливаемые С. П. Толстовым в его работе «Древний Хорезм». Не случайно и то, что греческие авторы не смешивали данаку, «варварскую монету», с вавилонским сиклем.

[3] Это отношение прямо засвидетельствовано в табличках № 28 и 29, где 9 puhu (подростков) получают по «$^2/_3$ от данаки», т. е. от $^1/_8$ сикля. Ше упоминаются в № 82: «9 ше серебра...».

Целые числа данак, за редкими исключениями, вскрываются там, где счетовод дает дробные числа сиклей. Вот месячные ставки 13 групп одной партии курташ с переводом платы на данаки:

1 чел. по 8 сиклей	1440 ше	= 64 данаки
12 чел. по $3^3/_4$ сикля	675 „	= 30 данак
4 puḫu по $2^1/_2$ сикля	450 „	= 20 данак
10 puḫu по $1^3/_4 + {}^1/_{12}$ [1] сикля	315+15 „	= $14^2/_3$ [1] данаки
3 puḫu по $1^1/_4$ сикля	225 „	= 10 данак
1 puḫu по $^1/_2+{}^1/_8$ (данаки)	112,5 „	= 5 данак

... и. т. д. (табл. № 40 от 20 года Ксеркса).

В №№ 42, 52, 53, 54, 60, 61 месячные платы представлены прогрессией целых чисел данак: мужчины — 30, 20, 15, 10, 5; женщины — 20, 15, 10, 5 (разность прогрессии минус 5). Соответствующие же цифры в сиклях все дроби: $3^3/_4$, $2^1/_2$, $1^3/_4 + {}^1/_8$, $1^1/_4$, $^1/_2 + {}^1/_8$. В № 65 при 14 группах ставок прогрессия со знаменателем минус 4 имеет уже 10 членов: 40, 36, 32, 28, 24, 20, 16, 12, 8, 4 (при поденном расчете — целые числа ше со знаменателем минус 3: 30, 27, 24, 21, 18, 15, 12, 9, 6, 3).

Возникает предположение, что счет в «туземных» данаках был доступнее, сподручнее для kur-taš Персиды, чем счет в сиклях с их «бесконечными» дробями, с которыми мог справиться только грамотей-эламит, умевший, например, представить $^{35}/_{18}$ сикля (= 350 ше) в виде $1 + {}^2/_3 + {}^2/_9 + {}^1/_{18}$ сикля (№№ 69, 70). Возможно поэтому, что условия расчета устанавливались в данаках, учет же проводился в сиклях. Но и данаковый счет имел, повидимому, свои недостатки, например отсутствие (?) собственного подразделения данаки (стоимость ее «немного более обола»). В ряде документов в основу расчета месячной платы положена ше. №№ 69, 70 дают прогрессии следующих чисел ше: 400, 350, 300, 250, 200, 150, 100, 50. Чтобы не нарушить ровный ход прогрессии (знам.— 50), число 350 ше не стали округлять до 2 сиклей = 360 ше. Отсюда характерная в документе дробь: $1^2/_3 + {}^2/_9 + {}^1/_{18} = 1^{17}/_{18} = {}^{35}/_{18}$; нехватало только $^1/_{18}$, чтобы получить 2 целых.

Приведенные прогрессии наглядно показывают, в частности, что кратный разрыв в оплате крайних групп партии kur-taš доходил до 10.

Самые прогрессии развертывались, исходя из основной суммы, своеобразной нормы, установившейся для данного вида работы. Эта основа или норма обнаруживается через взвешенную среднюю из оплат одинаковых по расценкам групп работников данной партии. Эта «средняя», видимо, и разверстывалась среди них с определенной разницей («знаменатель прогрессии») в оплате каждой группы [2]. Разумеется, при разверстывании «средней» среди большого числа групп (до 18, как в № 39) с различным числом работников и при различных случайных обстоятельствах

[1] Здесь дробь $^1/_{12}$ сикля составляет, как в №№ 28, 29, как раз $^2/_3$ от данаки ($^2/_3 \times {}^1/_8$). Неясно, почему нет округления до 15 данак, что часто делается для соблюдения ровного хода прогрессии. Приводимые далее в тексте прогрессии данак не даны прямо в документах, где налицо только сикли; данаки выявляются простым арифметическим вычислением.

[2] Применяя труд больших партий наемных kur-taš, персепольское царское хозяйство исходило из обычных установившихся в Персиде норм оплаты. Уже кодекс Хаммурапи, например, устанавливая поденную плату одного ремесленника в 5 ше, а плотника в 4 ше серебра, несомненно, учитывал фактически существующие «средние» в оплате их труда. Долговые документы ново-вавилонского времени (VI в. до н. э.) включают оговорки, что долг будет возвращен в известных продуктах (ячмень, финики) согласно той «норме обмена» их на серебро, какая будет установлена «царским тари-

(например, приплата лишней данаки для поощрения) эта средняя реализовалась на деле с отклонениями (впрочем, как показывает пробный подсчет, незначительными).

Рассмотренная средняя, несмотря на то, что она по самой своей природе как средняя стушевывает «крайности», все же дает возможность сопоставить различные категории kur-taš по размерам их заработка.

Если оставить в стороне детальную характеристику этих категорий и дать лишь суммарную группировку, взяв в качестве представителей групп наиболее характерные и чаще встречающиеся фигуры, то можно вывести 3 группы: 1) 4—20 данак: marrip (мастер), uzbarna (носильщик) и плотник; 2) 28—46 д.: квалифицированный ремесленник типа панцырника в Ганкураке и пастух; 3) 46—60 д.: kur-taš, работающие при исключительных «благоприятных» для них обстоятельствах, как казначейские «юбилейного года» [1] и «дворцовые отроки» (puḫu batimaniš) [2].

Следует здесь особо отметить резкие колебания в оплате двух категорий: kur-taš marrip и kur-taš kapnuškip. Возникает предположение, что за общими обозначениями этих двух категорий скрываются различные по квалификации и роду занятий, а потому и по оплате, категории работников, обозначаемых в других документах более специальными определениями.

Приведенная суммарная характеристика заработков показывает, что землекопы, носильщики, плотники оплачиваются в несколько раз ниже, чем квалифицированные ремесленники и особенно пастухи. Этот факт напоминает почти аналогичное явление из более древних времен в истории древнего Востока [3]. Разрыв между пастухом и плотником в Персиде V в. еще резче. Первый получает 32—42 данаки в месяц (4—5 сиклей), второй — 8—14 данак (1—1½ с.), т. е. в 4 раза меньше. Во всяком случае и в древнеперсидском обществе пастух стоял безусловно выше, чем ремесленник (и особенно плотник); даже в качестве наемного работника он получал плату не ниже, чем плата таких квалифицированных ремесленников, обслуживавших царя и знать, как златоискусники, панцырники и виноделы.

фом» на день платежа (A. L. Oppenheim, A fiscal practice of the Ancient Near East, JNES, 1947, № 2, стр. 116—118). Персепольская казна, как мы видели, устанавливала норму 3 сикля — 1 баран и 1 сикль — 1 сосуд вина при расчетах с работниками. Очевидно, и здесь она исходила из какой-то «средней». Природа, экономическая, этих «норм», «средних» и т. п. представляет значительный теоретический интерес при исследовании древневосточной экономики. Употребление с исследовательскими целями взвешенной средней представляет в данном случае единственно возможный прием при суммарности данных в учетных по существу документах.

[1] 466 г. до н. э.— 20-й год Ксеркса. 9 счетоводов — akḳaiašе, работавших в кладовой «сокровищницы», и 1 «главный бухгалтер» Нидинтубел, работавшие в мае этого года, получают: первые по 90 данак и последний 120 д. Если учесть, что akḳaiašе обычно получают самую низкую плату, то приведенные здесь оплаты их в «юбилейном» году, вероятно, связаны с какими-то большими работами в кладовых и залах «сокровищницы», работами типа учета и «переоценки ценностей». В этом же году в «сокровищнице» работали большие партии «казначейских» и «мастеров» с повышенной оплатой, а к кладовым с ценностями было приставлено для охраны 15 «молодцов».

[2] Относительно puḫu см. ниже. В № 63 речь идет об оплате 15 puḫu ba-ti-ma-nu-iš ak-ḳa-be gal nu-iš-ki-ip ➤ ma-u-ḳa a-ak ➤ ak-ḳa-ia-še ṣa-ir-nu-pa-sa-iš da-ma. Кэмерон: «15 boys attached to the (royal) estate who (for) wages are tending (animals) and whom Vahauka and the „helpers", gold ornamenters (?), have sent». Перевод здесь (оставляя аргументацию до другого раза) должен быть иным, именно: «15 рабам дворцовым, охраняющим жалованье (sc. серебро для оплаты); Вахаука и пробирщики, следящие за золотом, (их) послали». Akḳaiše «пробирщики», очевидно, не только пробировали поступающее золото и серебро, но и стерегли (*darnipasā «золото стерегущие») уже рафинированный металл от замены его нечистым.

[3] Судя по судебнику Хаммурапи (см. §§ 257, 262, 274, 277), пастух получал в 1,5 раза больше обычного ремесленника и вдвое больше плотника.

Характерной особенностью персепольского подразделения kur-taš является низкая оплата их труда по сравнению с работниками вне Персеполя. Средние оплаты первой группы — 4—20 данак — как раз характеризуют всех тех marrip, kur-taš kapnuškip, плотников, каменотесов, носильщиков и т. п., которые заняты в Персеполе. Почти каждая партия этого слоя персидских kur-taš распадается по размерам оплаты на три группы со стандартными расценками: $^2/_3$, $^1/_2$, $^1/_3$ сикля. Эта шкала расценок характерна для последнего года Ксеркса и первых лет Артаксеркса некоторыми постоянными соотношениями числа работников, получающих по этим расценкам. Сопоставление табличек №№ 51, 73, 75, 79 с суммированием соответствующих чисел работников показывает среднее соотношение трех групп как 7 : 1 : 3 (1355 : 187 : 482). Число работников по высшей расценке ($^2/_3$ сикля) более чем вдвое превышает число по низшей ($^1/_3$ сикля). Отношение средней группы к сумме крайних заставляет думать, что работники средней по оплате группы являются низшими надзирателями, имевшими под своим наблюдением в среднем 10 человек и получавшими, подобно римскому виллику, меньше «корма», чем основная масса работников всей партии. Если оставить в стороне группу kur-taš, получающих при особо благоприятных обстоятельствах сравнительно высокую плату, и дворцовых puḫu, то остальная масса kur-taš по размерам заработка и условиям труда явно распадается на две большие группы: kur-taš, работающих в Персеполе, и kur-taš, работающих вне Персеполя. Персепольская группа прежде всего характеризуется тем, что именно в ней встречаются большие партии работников: от 133 до 1348 человек[1]. В числе работников этих больших партий встречаются иногда сирийцы, египтяне, греки (№№ 12, 15).

Рассмотрение персепольских партий по составу и месяцам работы приводит к установлению следующих фактов. Самая большая партия в 1348 человек kur-taš kapnuškip под начальством Вахуша в составе 18 подгрупп с различными расценками работает в январе 466 г. В дальнейшем ее как будто нет, так как в феврале и марте мы видим другую, меньшую по числу партию в 595 человек kur-taš kapnuškip, но уже под начальством Уратинды (№ 45). По составу последняя группа резко отличается от первой: вместо 303 мужчин здесь (№ 45) 329 и, наоборот, вместо 556 женщин, здесь только 266[2]. Здесь только 3 расценки для мужчин — $^2/_3$, $^1/_2$, $^1/_3$ сикля — и 2 для женщин — $^1/_3$, $^1/_6$ сикля. Однако через два месяца после этого мы встречаемся в июне с тремя партиями kur-taš kapnuškip под начальством того же Уратинды с развернутыми шкалами от 11 до 16 расценок и при составе, напоминающем январскую партию казначейских Вахуша. Это партии: № 65 в 390 чел. («205 + x» по Кэмерону, см. стр. 47, сн. 1), № 66—1169 чел. (по Кэмерону — «1013+x») и № 67—133 чел. («110 + x»).

При сопоставлении состава партий работников, упоминаемых в документах № 39 от января месяца и № 66 от июля месяца того же года, сразу же бросается в глаза сходство состава женщин, почти неизменное в течение полугода, и сходство состава некоторых групп «подростков»; зато число мужчин в июне уменьшилось втрое, а общее число женщин увеличилось с 556 до 680, не компенсировав, однако, уменьшения числа мужчин, так

---

[1] №№ 67, 15, 28, 29, 18, 70, 12, 65, 74, 45, 75, 69, 79, 66 и 39. Номера расположены по восходящей числа работников; так, например, в № 45 идет речь о 595 работниках, в № 79 о 1149 и т. п.

[2] Впрочем, в № 45 показаны только мужчины и женщины, тогда как в № 39, кроме приведенных чисел мужчин и женщин, имеются еще 256 подростков — мужчин и 233 подростка— женщины. При учете подростков в № 39 будет преобладание женщин, а в № 45 — мужчин.

как помимо исчезновения 201 мужчины, исчезли также и 133 puḫu (9 + + 49 + 75), всего 334 человек. Однако выше мы видели, что между январем № 39 и июнем № 66 в феврале и марте работала партия kur-taš kapnuškip в 595 человек (№ 45), где мужчины дают две главные группы в 104 человека (ср. 102 человека в № 66) и 207 человек. Это заставляет теперь сопоставить № 45 с №№ 65 и 67, где встречаются новые сходства.

	№ 45	№ 65	№ 67
Мужчин	104	60 +	44 =104
Женщин	266	160[1] +	106[1]=266

Нет сходства только в отношении puḫu. В № 45 указано, кроме 122 мужчин с высокой оплатой, еще 207 мужчин с довольно низкой оплатой (вероятно, puḫu), в №№ 65, 67 им соответствуют (135 + 18=) 153 puḫu, на 54 человека меньше. Но это сходство найдет себе объяснение, если мы сделаем соответствующие выводы из уже приведенных данных. Из партии документа № 39 в 1348 человек, работавших в январе, выделилась партия в 595 человек документа № 45 с крайне низкой оплатой, которая работала в феврале и марте. Остальные 753 человека составили основное ядро партии документа № 66 в 1169 человек, которая работала в июне. Увеличение к июню на 416 человек произошло, повидимому, за счет добавочных партий. 595 kur-taš kapnuškip документа № 45 разделились к июню на две партии, упоминаемые в № 65 и 67[2].

Таким образом, мы видим, как в Персеполе большие партии kur-taš kapnuškip на протяжении полугода подвергаются различным перегруппировкам в самых различных сочетаниях их составов. В связи с этим следует отметить, что именно к «персепольской» группе относятся указания на доставку рабочей силы. Ср. №№25, 31, 33, 34, 35, 43, 62 и, в частности, №№ 69 и 70, из которых узнаем, что некий Фарнадат «дал» на работы в Персеполе на 10 дней июля 466 года 262 kurtaš marrip, а Патинаша на те же дни «дал» 924 чел. Отмеченные выше (стр. 29) численные соотношения помимо прочего дают основание думать, что различия в оплате здесь не связаны с полом и возрастом и что kur-taš таких партий состоят из мужчин. За это говорят следующие соображения. За единичными исключениями до 20 года Ксеркса по указанной шкале «$^2/_3$, $^1/_2$, $^1/_3$» шли только небольшие партии в один, два, три десятка человек[3]. Крупные партии представлены лишь в 20 году плотниками и marrip. Все остальные засвидетельствованные документами (выше, стр. 19) большие партии, главным образом kur-taš kapnuškip и marrip, а также плотников и uzbarnā, следовательно, строительных рабочих, представлены в 20 г. дифференцированными по полу и возрасту (№ 45 только по полу). Поэтому в каждой партии всегда налицо четыре ряда различных расценок, так что общее число «ставок» вместо стандартных трех доходит до 18. Попытка приурочить три группы в партиях с тремя расценками — в $^2/_3$, $^1/_2$, $^1/_3$ сикля к поло-

[1] В № 67 числа MUNUS в публикации: 6, 20 + x, 4 рассматривается мною как MUNUS puḫu и восстанавливаются как 6, 23, 4, с расценками соответственно 1½, ½ и 1 сикль. Цифры 160 и 106, приведенные в №№ 65 и 67, слагаются из MUNUS + MUNUS puḫu.

[2] Отмеченное выше несходство в отношении puḫu — подростков может быть объяснено различными трудно устанавливаемыми перебросками их между партиями. Намек на это виден из следующего сопоставления. Среди puḫu январской партии документа № 39 показаны группы puḫu в 9, 49, 75, 85, 38 = 256 чел. Основная их масса вошла в состав группы 207 низкооплачиваемых мужчин документа № 45, а затем разбилась пополам, войдя в партии документов №№ 65 и 66. Среди puḫu № 65 встречаются группы 87 и 39 (сходные с 85 и 38 № 39) и в № 66 : 81 и 37 (то же сходство).

[3] №№ 17, 20, 25; 32; 24, 26, 27; 33, 34, 35.

возрастным оказываются неудачными. Если первая группа в $^2/_3$ сикля — мужчины, а третья в $^1/_3$ сикля — женщины, то оказывается, что мужчин всегда втрое больше, чем женщин (хотя и в этом случае тезис о мужском составе рассматриваемых партий получает только некоторое ограничение). В дальнейшем же мы увидим скорее обратное соотношение, преобладание женского труда почти всюду, где есть указания на различия по полу. Далее, мужчины при этом предположении всегда получают вдвое больше, чем женщины, что встречается крайне редко в тех документах, где налицо дифференцированные по полу оплаты; предположение: $^2/_3$ сикля — женщины и $^1/_3$ сикля — мужчины противоречит всем документам (исключение: случаи, где женщины, указанные единицами, повидимому, выполняют административные функции).

Таким образом, партии каменотесов, плотников и kur-taš, изготовляющих изображения, а также marrip небольших партий до 15 года представлены почти, если не исключительно, мужчинами. Данные о применении женского труда имеются, лишь начиная с 15 года: №№ 28, 29, где в числе 238 kur-taš kapnuškip marrip указано 5 женщин. В дальнейшем уже почти каждый документ включает указания на пол и возраст.

Для больших партий «казначейских», рассмотренных выше в связи с показом их перегруппировок, устанавливаются следующие характерные соотношения по полу и возрасту. В исходной январской 466 г. партии № 39 на 100 взрослых мужчин приходится 183 взрослые женщины, 85 подростков-мужчин и 77 подростков-девушек, или, округляя, 1 : 2 : 1 : 1. Женщин почти вдвое больше, чем мужчин. Июньские партии документов №№ 65, 66, 67, являющиеся преемниками бывших партий документов №№ 39 и 45 и потому рассматриваемые здесь вместе, дают соотношение 100 мужчин: 400 женщин: 131 подростков-мужчин: 182 подростков-девушек, или 1 : 4 : 1 : 2. Здесь уже женщин вчетверо (в № 66, взятом отдельно, вшестеро) больше мужчин. Kur-taš marrip, посланные на первые 10 дней июля (№№ 69, 70), дают соотношение 100 : 76 : 96 : 51. Если суммировать данные июня и июля (№№ 65, 66, 67, 69, 70), то среднее соотношение в них окажется близким к исходному январскому (и, следовательно, обычным для длительного промежутка времени) (1 : 2 :1:1)[1]. Если оно засвидетельствовано с о х р а н и в ш и м и с я документами и для января и для июня, то мы вправе сделать вывод, что по крайней мере kur-taš marrip круглый год работают за плату в «сокровищнице».

Если в последние годы Дария и первые Ксеркса большие партии персепольских kur-taš-мужчин представлены чужеземными элементами, очевидно, насильственно уведенными с запада, то в дальнейшем упоминание о них встречается, как исключение, только один раз (карийцы 19 года Ксеркса — № 37). Кроме того, теперь перед нами партии, дифференцированные по полу и возрасту, с характерным соотношением их состава — 1 : 2 : 1 : 1, соотношением, напоминающим малую семью, очевидно, туземной бедноты [2]. Такому представлению как будто противоречит факт

---

[1] Это соотношение четырех рядов совсем не похоже на соотношение стандартной шкалы «$^2/_3$ сикля...»— 7 : 1 : 3, что лишний раз подчеркивает мужской состав партий «стандартной шкалы». Уточнение отношения подростков-мальчиков к подросткам-девочкам (как 10 к 9) показывает меньшее число девочек. Это едва ли можно объяснить только бытовыми условиями, например, необходимостью оставлять их для присмотра за домом. Скорее всего это говорит о большой смертности их.

[2] Подсчеты по документам показывают, что в июне 466 г. в Персеполе было занято 1940 человек, а вне Персеполя в мае — 1008. Таким образом, летом 466 г. в царских хозяйствах Персиды было занято не менее 3000 человек. Если учесть и хозяйства крупных представителей знати, то следует сказать, что приведенное в тексте соотношение, основанное на «больших числах», показывает массовость отмеченного явления, известную его закономерность.

превышения числа женщин вдвое по отношению к мужчинам. Однако «лишняя» здесь женщина, — судя по всему тому, что мы знаем о роли персидской народности в империи Кира,— это либо вдова погибшего на чужбине перса-воина, либо жена воина, находящегося где-нибудь в гарнизоне далекой египетской Элефантины или малоазийских Сард или на границе с саками в Средней Азии, воина, хозяйство (надел) которого оказывается недостаточным для прокормления семьи. Поэтому в основной массе kur-taš kapnuškip, самого значительного отряда персепольского подразделения, следует видеть туземное население Персиды, представленное в первую очередь персами.

Вторая группа персидских курташ — «внеперсепольские», засвидетельствованы почти исключительно для 466 г. (19,20 годов Ксеркса). Они представлены обычно партиями до 200 человек, меньшими, чем в Персеполе [1]. Как и вообще в документах последних лет Ксеркса, для внеперсепольских kur-taš нет указаний на чужеземные элементы. Для дальнейшего суждения сведем некоторые данные о них в таблицу.

№№ док.	Месяцы 466 г.	Партии курташ	Общее число	Муж.	Женщ.	Подростки	
						м.	ж.
36	Дек. — янв.	Виноделы в Анкураке	55	12	14	18	11
40	Янв.— февр.	Kur-taš kapnuškip в Камениш	109	13	62	18	16
42	Февраль	Kur-taš Бакурады в Ширазе	190	12	78	50	50
50	Апрель	Пастухи в Дурамиде	370	127	91	76	76
52	Май	Панцырники в Анкураке . .	55	12	14	18	11
53	»	Kur-taš Напиджи в Хабрапе	153	38	67	23	25
60	»	Kur-taš Бакурады в Ширазе .	190	12	78	50	50
61	»	Пастухи в Макалаке	131	38	35	34	24
64	Июнь	Kur-taš kapnuškip в Камениш	101	13	56	16	16
			1008 [2]	240	347	219	202

Они явно распадаются на две почти равные по числу группы: ремесленников — 507 человек и пастухов — 501. Здесь не видно дробления партий, перегруппировок, как среди kur-taš kapnuškip Персеполя. Это более устойчивые партии. Панцырники, засвидетельствованные в мае, за полгода до этого, в декабре 467 г. в том же числе и составе были заняты выделкой вина. Число и состав kur-taš сатапата Бакурады в Ширазе за четыре месяца ничуть не изменились. Почти то же и у kur-taš kapnuškip Камениша.

Выражение appa mušap ➤ .... «которые работают (там-то)» относится почти исключительно к «внеперсепольским» работникам, при этом иногда добавляется «под начальством (šaramana) сатапата такого-то» с указанием места: Напиджа сатапат хабрапец (или — в Хабрапе), сатапат Бакурада в Ширазе. Словом, эти партии работают на месте, их никуда не

[1] Исключение: 370 пастухов в Дурамиде (№ 50), работавших в апреле 466 г. Вероятно, сезонное увеличение, связанное с весенней стрижкой овец.

[2] При подсчетах как здесь, так и в дальнейшем, №№ 36 (или 52), 60 и 64, как повторяющие одну и ту же партию, соответственно: №№ 52 (или 36), 42 и 40, должны быть исключены. При подсчете за май предположено, что пастухи в Дурамиде работают и в этом месяце, в меньшем числе (по окончании стрижки овец).

«посылают», в то время как о персепольских kur-taš marrip документа № 69 говорится, что их, —924 человека,— «послал» Патинаша.

Откуда он взял их? Может быть, ответом на это будет документ № 81, к сожалению, очень попорченный и не датированный, дающий число лиц с указанием мест: «70 si-ri- ni-iš^{idg}·na (70 чел. Сири), 8 человек из Тика, 12 человек из Эл, 22 человека из ṣi-ip-ṣa·an, 87 человек из Марсашка. Всего народа 200 без одного...», далее плохо читаемое и остающееся без перевода bat-ti-ma(?)-nu(?)-iš ru-ḳa-man-ra Марсашка, дающее 87 человек, уже встречалось в док. № 5 времени Дария, как место, где чем-то отличились 113 пастухов Пармиджи. В среднем каждое место дает 40 человек (199 : 5). Можно думать, что это перечень числа лиц, которых «посылают», или которые прибыли в Персеполь. Патинаша, «давший» 9 сотен kur-taš № 69 при указанной средней, должен был набрать их из 20 мест... Док. № 80 от 20 года Ксеркса говорит о 226 «kur-taš хабрапцах в Персеполе, под начальством Уратинды», работавших три месяца подряд — апрель, май, июнь. Очевидно, часть внеперсепольских курташ время от времени посылалась в Персеполь, тогда как другая, вроде панцырников (при случае виноделов), kur-taš kapnuškip Камениша, «людей сатапата», оставалась на месте, работая здесь круглый год [1].

Если персепольские marrip, kur-taš kapnuškip и строительные работники обычно получают от 4 до 20 данак, то «внеперсепольские» ремесленники и пастухи получают от 28 до 46 данак (выше, стр. 28). Состав партий по полу и возрасту представлен здесь следующим соотношением — 100 мужчин : 194 женщины : 125 подростков-мужчин : 110 подростков-девушек, при округлении — 1 : 2 : 1 : 1 [2]. Отношение мужчин к женщинам как 1 : 2 показывает опять одну «лишнюю» женщину, еще раз подтверждая массовость данного явления в Персиде. Поэтому соображения, высказанные выше относительно причин этого явления, имеют силу и здесь. С учетом апрельской партии пастухов в Дурамиде, число мужчин в которой превышает число мужчин во всех партиях мая вместе взятых, отношение мужчин к женщинам повышается до 100 : 145 или 1 : 1,5 (или 2 : 3). Это значит, что — если не из двух, то из каждых трех взрослых мужчин той части туземного населения Персиды, которая экономически бывала вынуждена работать или принудительно привлекалась к работе в царских хозяйствах, недостает одного. Погиб ли он или служит воином далеко за пределами Персиды, он как производительная сила потерян для нее.

Сравнение двух больших рассмотренных здесь подразделений показывает, таким образом, следующие их характерные особенности. Персепольские kur-taš, представленные большими партиями, подвергающимися перегруппировкам, характеризуются в целом более низкой по сравнению с «внеперсепольскими» платой. Среди строительных рабочих в первые годы Ксеркса представлены чужеземные элементы. Партии строительных рабочих, художников и marrip состоят из мужчин, в то время как kur-taš kapnuškip, составляющие главную массу персепольского подразделения и дифференцированные по полу и возрасту, выступают с вдвое большим числом женщин по отношению к мужчинам, так что в целом для данного подразделения констатируется определенный перевес женщин над мужчи-

[1] Характерно, что названные партии имеют в своем составе по 12 мужчин, получающих по $3^3/_4$ сикля серебра, что при обычном šág(i) («корме») в половину полного заработка, составляет 7½ сикля = 60 данак, по 2 данаки в день. Очевидно, это квалифицированные мастера.

[2] Соотношение взято по состоянию на май, поскольку в этом месяце документально представлены почти все внеперсепольские партии. Ср. приведенное выше соотношение marrip и kur-taš kapnuškip в Персеполе летом 466 г.— 100 : 195 : 109 : 98, или 1 : 2 : 1 : 1.

нами. Kur-taš вне Персеполя представлены меньшими по сравнению с Персеполем партиями «kur-taš kapnuškip в Камениш» и квалифицированных ремесленников, с одной стороны, и пастухов — с другой. Здесь, повидимому, нет чужеземных элементов. Это устойчивые, круглый год работающие на месте партии со сравнительно высокой оплатой, дифференцированные по полу и возрасту, с превышением числа женщин вдвое над числом мужчин.

В документах «сокровищницы» значатся «мастера», плотники, каменотесы, «изготовители изображений в камне и дереве», инкрустовщики, золотых дел мастера, медники, оружейники-панцырники, наконец, виноделы и пивовары... Но нигде нет кузнеца, гончара, кожевника, ткача..., представителей таких видов ремесла, которые обслуживают массовые потребности. Едва ли это значит, что таких ремесленников совсем не было в царском висе Персеполя и в царских хозяйствах Персиды. Возможно, что они скрыты для нас за общим и широким определением kur-taš kapnuškip или marrip. А может быть, они и не документированы, поскольку они не получают ни серебра, ни барана. Возникает предположение, что либо царский вис получал гончарные, кожевенные, тканые и тому подобные изделия в виде податей с ремесленников, живущих и работающих по общинам-висам [1], либо в самом царском висе имелись такие ремесленники [2], но они попрежнему получают корм — харчи в виде набора продуктов, по типу «документов крепостной стены», а не šág документов «сокровищницы», как деньги (обычно с добавкой серебра), которые платились особо квалифицированным или особо поощряемым ремесленникам и мастерам [3]. Из представителей массовых видов ремесла выделены и поэтому попали в документы «сокровищницы», видимо, только плотники и каменотесы, в работе которых при созидании величественных дворцов были особо заинтересованы Ахемениды [4].

Таким образом, надо считать, что засвидетельствованные в документах персепольской казны и постоянно работающие в царских хозяйствах наемные работники не исчерпывают всей массы этого класса производителей материальных благ. «Недокументированные» представители его в большей части рассеяны по висам (общинам) в качестве членов общины: гончаров, плотников и т. п., работающих на общину и получающих от нее продовольствие. Именно они, как и масса необученной рабочей силы, и должны были направляться при случае в Персеполь, где одна часть получала обычный корм («пищу и платье и масло», как у Ездры), другая, особо поощряемая, получала двойную плату, серебро и šág «корм».

Следует еще остановиться на категории работников, именуемых по-эламски puḫu. Самый термин встречается, с одной стороны, как возрастная категория среди kur-taš в постоянном ряде: взрослые мужчины,

---

[1] В особых случаях их «посылали» и в Персеполь.

[2] В документе № 23 от 6 года Ксеркса указаны 2 человека kur-taš AN·BAR (идеогр. железа) GIŠ (идеогр. дерева) ṣi-ip (дверь). Очевидно, они имели дело с железом в какой-то связи с деревянными дверьми, будучи, вероятно, слесарями-замочниками. Причитающаяся им плата (1½ сикля × 2 человека × 12 месяцев) в 36 сиклей серебра выдается в виде šág, 12 баранов, которые «потреблялись» ими как деньги в течение года, когда они следили за «запорами медными» в «сокровищнице», ремонтировали их и т. п.

[3] Возможно и третье сочетание обеих форм получения ремесленных изделий, когда, наряду с уже имеющимися в царском висе ремесленниками, работают и «посланные» из общин.

[4] «И стали выдавать серебро каменотесам и плотникам, и пищу, и платье, и масло сидонянам и тирянам, чтобы они доставляли кедровый лес с Ливана...» (Ездра, I, 37, о постройке Иерусалимского храма). Здесь kāra ḫya aḫuriya доставляет кедр в Иерусалим, как при Дарии I он доставлял его в Сузу. Эти чужеземцы получают корм (šág), в то время как каменотесы и плотники, вероятно, туземцы — серебро.

puḫu (подростки или несовершеннолетние мужского пола), MUNUS (женщины) и MUNUS puḫu (подростки женского пола) [1], с другой — самостоятельно и часто с определением как puḫu batimaniš [2]. В первом случае puḫu — это несовершеннолетние kur-taš, хотя некоторые из них получают плату не меньшую, а иногда и большую, чем MUNUS. Во втором — это «несовершеннолетние» в социальном смысле, неполноправные или совсем бесправные. Там, где в документах выступают партии только одних puḫu (или puḫu с определением batimaniš), они могут быть определены как рабы (соотв. рабы дворцовые). Судя по занятиям puḫu batimaniš и повышенной их оплате, — это привилегированные рабы, имеющие возможность скопить пекулий. В документе № 48 от 20 г. Ксеркса 6 puḫu batimaniš получают за март 466 г. по $3^1/_3$ сикля серебра, кроме такой же суммы šág'a. Ту же плату в том же месяце получают 11 puḫu batimaniš ḳarabatiš «погонщики ослов (мулов?)» (№ 47) [3]. В мае эти 11 puḫu получают уже по $3^3/_4$ сикля (30 данак серебром; с учетом šág — 60 данак или 2 данаки в день). Другие 12 puḫu делают изображения на дверях парадиза Виспашьятиш с оплатой в 30 данак (соотв. 60) (№№ 58, 59). Плата этих «отроков» превышает среднюю плату златоискусников, медников, виноделов в два и плату панцырников и пастухов в $1^1/_2$ раза. 15 puḫu batimaniš, охраняющих ценности, получали по 3 сикля серебра в месяц (gal = 48 данак). С другой стороны, 5 puḫu batimaniš, работавшие в ➤— Raudamatiš, получили по $^1/_3$ сикля, а 65 puḫu appa am ➤— i- ⌜ia⌝-an uk-ku šikḳap «отроки, которые ныне считаются в (учитываются по) колонном зале», получают: 43 человека по $^2/_3$ и 22 по $^1/_3$ сикля [4] (№ 77 от 1 года Артаксеркса I). Если они «ныне» работают в колонном зале, то вчера или в прошлом месяце они работали где-то в другом месте, в каком-нибудь Раудамати... Очевидно, это все рабы, принадлежащие к широкой, отнюдь не привилегированной массе рабов. Да, кстати, о них и не сказано, что они batimaniš «дворцовые».

Какое же место в общественном строе Персиды занимает та категория производителей материальных благ, которых именуют kur-taš?

Уяснение положения kur-taš, как кажется, должно помочь установить значение māniyam в 14 параграфе Бехистунской надписи и тем самым еще более уточнить социальный смысл событий, предшествовавших воцарению Дария.

Др.-перс. kāra, как и его эламский коррелат taššub, обозначают оба в Бехистунской надписи и народ, и войско, в то время как вавилонская версия дает и для народа, и для войска один и тот же термин ūqu [5]. В Су-

---

[1] В ср.-элам. текстах puḫu = «семья», а также «подданные» (famille, sujets — P. Scheil, Délég. en Perse., Mém., III, 71), следовательно, нечто сходное с др.-рим. familia и потому могущее означать рабов. Как подданные, puḫu сходны с др.-перс. bandaka, которое обозначает и «страны» Дария, и полководцев его как «рабов». Однако прямое соответствие puḫu — bandaka нигде не засвидетельствовано.

[2] Кэмерон считает этот термин эламской передачей др.-перс. *patimāni- «принадлежащие к дому (царскому), дворцу», что вполне соответствует употреблению patiy- в др.-перс. (ср. patipadam «вслед», partaram patiyaǰata — «врага поражал»), и с этим, пожалуй, следует согласиться.

[3] Они получают, как и мужчины в партии «пастухов в Дурамиде» (№ 50). В этой последней женщины, puḫu и MUNUS puḫu получают вдвое — вшестеро меньше, чем пастухи-мужчины. Puḫu—дворцовые, погоняющие царских мулов,—привилегированные рабы.

[4] По стандартной шкале «низко оплачиваемых мужских партий в $^2/_3$, $^1/_2$, $^1/_3$ сикля». Их средняя, с учетом šág — 13 данак в месяц.

[5] Только в высокопарном и архаизирующем манифесте Кира («Цилиндр Кира») проводится различие: войска Кира — ummanu, а «народ вавилонский» — niše ^{meš} babili или «вавилоняне» — mar ^{meš}babili (сыны Вавилона).

зианской надписи kāra (= taššub) hya bābairuviya (resp. aϑuriya) переводится в вавилонской версии ^{lu}ummanate^{meš} šá ^{mat}Akkad-i (resp. e-birnari), а martiyā karnuvakā (= ▼ RUḪ^{idg} mar-ri-ip) опять таки ^{lu} um [manate^{meš}] [1]. Таким образом, вавилонская версия ахеменидских надписей всюду переводит kāra и martiyā посредством ummanate или niše «народ, люди». Эламская версия Сузианской надписи переводит kāra через taššub «народ», а martiya — ▼ RUḪ^{idg} «человек».

В табличках «сокровищницы» в двух документах встречается taššub; значение taššub видно из § 27, где инкрустовщики названы этим термином с опущением слова kurtaš, следовательно, kur-taš = taššub. Уже упоминавшееся определение kur-taš marrip табличек соответствует ▼ RUḪ^{idg} ma-rip Сузианской надписи, где последнее, в свою очередь, соответствует martiyā karnuvakā «работникам мастерам» (которые камень обделывают) [2]. Наконец, наиболее показательным является тот факт, что при указании расценок отдельных групп курташ данной партии повсюду в документах «сокровищницы» значится: x RUḪ^{idg} un-ra x pan-sukaš «столько-то человек каждому по столько-то сиклей». Подытоживание числа kur-taš всей партии дается формулой: PAB ➤➤ RUḪ^{idg} x «Итого человек столько-то». В § 12: PAB 3 ME 13 ➤➤ kur-taš — «итого 313 курташ». Таким образом, RUḪ = здесь kur-taš. Следовательно, сопоставление ахеменидских надписей (Бехистунской, Сузианской, Персепольских, Нахширустемских) с табличками «сокровищницы» позволяет установить следующее «уравнение»: др.-перс. kāra = martiyā = эламское taššub = RUḪ^{idg}(RUḪ^{idg} -ip) = вавилон. ummanate^{meš}-niše^{meš} = др.-перс. māniyam = = элам. kur-taš. Выведенное таким путем уравнение позволяет, исходя из любого пункта его, придти к другому. Ни один документ, как кажется, не дает возможности включить в это уравнение ни bandaka$^{(-)}$ (или marika$^{(-)}$), ни galla$^{(meš)}$, ни liba (libame), словом, ни одного термина, означающего раба. И поэтому кажется, что kur-taš — свободные в противоположность действительным рабам люди, работающие за плату, хотя бы по сравнению с ними — ремесленниками, пастухами и т. д.— полководцы Дария, например, и назывались им рабами [3]. Однако те же полководцы суть martiyā [4] в Бехистунской надписи. И с этой стороны приведенное уравнение оказывается поколебленным. Оказывается, martiya может быть bandaka, «человек» может быть рабом — вывод, как видно, мало что дающий для

[1] Ср. далее: кодекс Хаммурапи § 273 (mar ummanim ремесленник), Dar. Elw. § 1 (mərtiyā = ^{amelu} ummanate^{meš}), Dar. Pers. g. § 1 (только вавилонская версия, niše^{meš} «люди»), Dar. NiRa § 1 (martiya = элам. ▼ RUḪ^{idg}), Dar. NiRb § 1,3 (martiyā = niše ^{meš}), Персеп. табл. «сокровищницы» № 22 (▼ RUḪ^{idg}-ip «люди», № 36 (gal ➤➤ RUḪ GEŠTIN uttip «платные люди вино делающие»).

[2] Ср. ➤➤ kur-taš ➤➤ kurkaš laštukip «kur-taš карийцы, золотых дел мастера» (табл. № 37), которые представляют параллель к martiyā daraniyakarā («золотых дел мастера») Сузианской надписи.

[3] Даже Gaubaruva, один из 6 приверженцев Дария, убивших вместе с ним Гаумату, в качестве полководца направленный на подавление третьего восстания в Эламе, назван bandaka. Впрочем, и «страны» Дария тоже «рабы», ибо «они подать ему приносят и делают, что он ни повелит».

[4] 13 оросангов (эвергетов) Дария получают от него за свои «благодеяния» около 3 пудов серебра (Персеп. табл, № 4).

конкретно-исторического исследования. Действительно ли kur-taš свободны, можно узнать лишь из рассмотренных выше условий их труда.

Самую общую «характеристику» социального строя Персиды в конце VI в. до н. э. мы находим еще у Дария в его противопоставлениях tunᵘvant'a — сильного skauϑiš'y (= šakauriš) — слабому и сообщениях о борьбе между ними,— борьбе, в которой он играл как бы роль Солона. У него же мы видим состав kāra — войска, когда он описывает переправу через Тигр (§ 18 Бехистунской надписи). Часть войска царь посадил на мешки, другую часть сделал всадниками на верблюдах, третьей части «лошадь подвел». Это описание следует сопоставить с рассказом Геродота о Персии, где богатые (εὐδαίμονες) в день своего рождения зажаривают целого быка, лошадь, верблюда или осла, тогда как бедные из персов (πένητες αὐτῶν) довольствуются только τὰ λεπτὰ τῶν προβάτων мелким скотом, овцой или козой.... (Her., I, 133). Состав kāra при переправе через Тигр получает иллюстрирующее его дополнение в приведенном рассказе греческого историка, писавшего спустя три поколения, когда люди, имеющие коз (приводимых во время похода к переправе в «преображенном» виде, в виде бурдюков), именуются уже бедняками [1]. Очевидно, однако, что πένητες у Геродота представляет отчасти слишком широкое понятие, охватывающее и тех, кто, имея возможность в день своего рождения зарезать овцу или козу, еще, очевидно, не потерял всех средств производства, это не наемный работник. Это широкая масса персидских пастухов и земледельцев, соответствующая kāra—пехоте Дария при переправе через Тигр [2]. Впрочем, и skauϑiš «слабый» представляет у Дария, очевидно, тоже широкую массу kārahyā [3], которая стала по отношению к знати более слабой, чем она была или могла быть еще при Кире, но не настолько еще слабой, чтобы не защищать себя от хищнических поползновений и насилий со стороны «сильных». Это показали события, предшествовавшие воцарению Дария, когда Гаумата, ставший во главе сильных и отнимавший у kāra его māniyam (о чем ниже), лишился власти и головы.

Как бы то ни было kāra, в своей массе skauϑiš, слабый уже при Дарии и тем более при Ксерксе (πένητες времен Геродота), несомненно, уже значительно расслоен. Часть его еще не потеряла средств производства, представляя в своей верхушке εὐδαίμονες tunᵘvantā, другая стоит на пути к этому, переходя через промежуточное состояния в низший слой, стоящий на грани порабощения.

Kur-taš «работники, рабочая сила», представляют, как видно из изложенного, различные слои персидской бедноты, наряду с которыми выступают, особенно в первые годы Ксеркса, военнопленные и чужеземные элементы.

Kur-taš вне Персеполя с характерными для них условиями труда, описанными выше, представляют, очевидно, рабочую силу из тех обедневших семей земледельцев и пастухов, которые еще не потеряли всех средств производства, еще имеют в своей общине (viϑāpatiy) надел, привязывающий их к месту, однако уже недостаточный для прокормления семьи. Поэтому если не сам глава семьи, ибо он может находиться в качестве воина далеко от Персиды, то его māniyam «домашние» [4], члены его семьи чисто эконо-

---

[1] Это показательно для персидской державы после Ксеркса, когда писал Геродот.

[2] У Геродота широкая масса — πένητες — τοῦ Περσέων στρατοῦ (kāra pārsa) представлена viϑiyā, viϑāpatiy «domi, дома», у Дария же — spaϑmaidayā «militiae, в походе».

[3] Skauϑiš и šakauriš Дария в вавилонских версиях переводится как muškenu, свободный бедняк.

[4] О термине māniyam подробнее в работе автора «Māniyam-kur-taš в § 14 Бехистунской надписи».

мически становятся kur-taš «добывающими плату» на месте, у богатых соседей или в царских хозяйствах. «Посылать» таких māniyā принудительно на длительную работу в Персеполь за рабский прокорм значило бы насильственно отрывать их совсем от средств производства и тем самым от общины, превращая их таким образом в рабов. Но это значило бы также вызывать такие возмущения, какие полвека назад, например, стоили Гаумате власти и головы, а Гаумата как раз отнимал у kāra — народа, наиболее активная часть которого находилась в далеком Египте и по гарнизонам «других стран», его māniyam, его «рабочую силу», членов семьи воина, для длительной эксплуатации. Не следует забывать, что skauϑayā, составлявшие часть персидского kārahyā, народа-войска, на которое опиралась персидская знать в империи Кира,— эти skauϑayā еще владели оружием utā spaϑmaidayā utā viϑiyā и в походе, и дома; по крайней мере короткий акинак всегда висел на правом бедре перса [1]. Отсюда следует, что эту часть народа, skauϑiš- членов виса, не порвавших еще связи с висом и пользующихся защитой его, какой бы слабой она ни была, можно было привлечь в царские хозяйства и в Персеполь,— хотя и с известным принуждением,— но только замаскировав последнее сравнительно повышенной оплатой, дифференцированной по полу и возрасту и, следовательно, создающей видимость свободного их привлечения за плату: do ut facias.

Рассматриваемый здесь слой, видимо, все более разрушался с каждым десятилетием. Уже долгий отрыв от хозяйства (тем более гибель) мужа-воина, главы семьи должен был отразиться на его хозяйстве и привести его к разорению [2]. Спорадическая работа членов семьи воина, его māniyam-kurtaš, ставших теперь «вдовами и сиротами», работа в качестве наймитов превращалась в постоянную, создавая в Персиде перевес женского труда и труда подростков над трудом мужчин. Māniyam-kurtaš рядового воина-общинника становились kur-taš богатого общинника, а также представителя знати или царского виса Персеполя. Чего Гаумата мог добиться лишь насильственными действиями и на короткое время, то было достигнуто в дальнейшем как длительный результат в силу собственно экономического развития и в силу особого положения персидской народности в империи Кира.

Так откладывался или формировался низший слой skauϑiš, людей, лишившихся средств производства, надела в viϑ'e, ставших бездомными, бессемейными. Слабые и беспомощные, наряду с вдовами и сиротами, они в первую очередь могли быть направлены — и сатапаты посылали их — в Персеполь, где они, персы, и «добывали плату», в лучшем случае в ка-

---

[1] Дарий в NiRb 8,9 говорит: naimā ava kāma tya skauϑiš tunᵘvatahyā rādiy miϑa kariyaiš — «не такова моя воля и желание, чтобы слабый терпел зло от сильного». Следом за этим он добавляет, что не желал и обратного. В Dar. Susa e 4, сообщается, что перед его воцарением «страны находились в смятении и aniya aniyam aǰa «один другого убивал». Тогда «... ava adam akunavam vašnā auramazdāhā yatā aniya aniyam naiy ǰatiy... yatā hya tauviya tyam skauϑim naiy ǰatiy naiy vimardatiy» «это (вот) я делал по воле Аурамазды, чтобы один другого не убивал ... чтобы сильный слабого не убивал (и) не угнетал». Таковы были «воля и желание» Дария, но как раз они-то и есть свидетельство того, что на деле шла борьба между сильными и слабыми, богатыми и бедными, борьба острая, доходившая до степени физического столкновения людей. В последнем случае бедные опирались на наличие в их руках оружия.

[2] Разумеется, годы неурожая и падежа скота (dušiyārā «тяжелые годы», уберечь от которых Персиду просит Аурамазду Дарий,—Dar. Pers. d., 3) придавали значительную остроту этому процессу. «Защита» skauϑaiš против сильного (возможное, например, ограничение долговой кабалы среди персов, как в кодексе Хаммурапи в отношении свободных вавилонян) могла лишь несколько умерить, но не устранить противоречий развития.

честве плотников и каменотесов, обычно же в качестве низших разрядов «казначейских», давая там перевес женщин и подростков над мужчинами. Вынудить себе более высокую плату они были не в состоянии. Большая масса этих низко оплачиваемых kur-taš давила на весы среднего уровня платы, понижая «взвешенную среднюю» персепольских курташ значительно ниже курташ внеперсепольских[1]. За этим низшим слоем персидской бедноты (skauϑanyā šakaurayāčā) следовало уже открытое рабское состояние. Поэтому-то во времена Ксеркса с людьми этого слоя уже мало или совсем не церемонились, «посылая» их из одного места в другое — из Хабрапа или Аркадуша (Аркадрии-Пасаргады?) в Персеполь.

Таким образом, уже первичное рассмотрение документов из персепольской «сокровищницы» дает некоторые данные для суждений исторического порядка. Для дальнейшего изучения социально-экономического строя Персии во времена Дария и его ближайших преемников необходимо привлечь и сопоставить друг с другом более обширный круг источников.

[1] Труд плотника и всякого работника по дереву уже по традиции, идущей со времен Хаммурапи (?), считался настолько презренным, что даже художники (frašan-akurašbe), резчики по дереву, не избегли презрения к своему труду. По документам персепольской «сокровищницы» все «делающие изображения в дереве и камне» получают наравне с плотниками и намного меньше, чем панцырники и пивовары.